

**«Следственное дело
К<иевского> О<перативного> О<тдела>
ГПУ № 276-1930 по обвинению:**

**Рыбалтовского Андрея Францевича,
Гржегоржевского Станислава Антоновича,
Любовского Бронислава Альбиановича,
Марецкого Бруно Марьяновича**

На допросе 28 мая 1929 г<ода> Любовский Б. А. показал:

«Я всегда помогал прислуживать ксендзу Блехману в старом костеле, а также пел в Костельском хоре».

Выдержки из показаний на допросе Гржегоржевского С. А. 19 января 1929:

«<...> В 1925 г<оду> после прихода из-за границы, ввиду слабого здоровья и влечения стать ксендзом, попросил ксендза Скальского подготовить меня. Ксендз Скальский поднял вопрос о создании семинарии по подготовке ксендзов. Я перебрался к ксендзу Скальскому, к которому также перебрался и Ковальский Иосиф. Через 4 месяца к нам присоединился и Рыбалтовский. Продолжали заниматься до ареста ксендза Скальского. В 1929 г<оду> Рыбалтовский и Ковальский выехали в Ленинград, где получили рукоположение у епископа, после чего Ковальский поехал в Фастов, а Рыбалтовский — в Киев, где служил 1 месяц».

Дополнительные показания Гржегоржевского С. А. 29 мая 1929 г<ода>:

«Я выполнял задания Наскренцкого: 1). Получал деньги от ксендзов для Наскренцкого и отправлял переводы ксендзам, а также отправлял деньги заключенным ксендзам в Соловки. 2). Провожал ксендзов из Киева, которые приезжали из разных округов; посылки ксендзу Скальскому в Москву, ксендзам в Соловки (в Соловки больше деньги). 3). Ездил с Наскренцким к больным, на кладбище, хоронить. 4). Как органист посылался Наскренцким в те парафии, где прибывало требование на органиста».

Из показаний Рыбалтовского А. Ф. 10 июня 1929 г<ода>:

«Живя на квартире у Скальского, мы завели разговор о "терцианах" (то есть монашествующих). В Киеве существует кружок "терциан", они ведут монашеский образ жизни, занимаются благотворительными делами: помощь заключенным лицам, уезжающим в Польшу; материальная помощь нуждающимся, выполняют поручения ксендза, вербуют членов в религиозные кружки и вообще стараются вернуть в Польшу побольше верующих, а также распространяют среди прихожан национально-шовинистические идеи. К "терцианам" причислили Марецкую, Бучис, Свидерскую, Лепесовецкого, Буйновскую и др. Я являюсь также терцианом в течение 32 лет. Мы также хвалили национально-благотворительное общество "Такая Кухня", которое оказывало материальную помощь».

Из показаний Рыбалтовского А. Ф. 17 июня 1929 г<ода>:

«В 1897 г<оду> был призван в армию в Московское интендантство. В 1910 г<оду> из армии уволен. Переехал в Киев, служил в аптеках, сдал экстерном экзамен на фармацевта. В сан<итарном> управлении служил после октябрьской революции. При всех властях, которые занимали

г<орода> Одессу и Киев, где я находился, я служил в санитарном управлении. Живя в Киеве и будучи человеком верующим, я решил стать ксендзом. По этому вопросу обратился к Скальскому, он берется меня подготовить, но разрешения на открытие духовной семинарии от Советской власти у него нет. Чтобы было удобнее, я перебрался к нему на квартиру. С арестом Скальского перерыва в занятиях не произошло, с нами продолжал заниматься Наскренцкий. Осенью 1925 г<ода> я переехал к Наскренцкому. Я, Ковальский и Гржегоржевский получали все бесплатно. Летом 1928 г<ода> Наскренцкий устроил мне экзамен и нашел, что я подготовлен. После этого направил к епископу Малецкому в Ленинград, через меня епископ Малецкий передал письмо Наскренцкому. В декабре 1928 г<ода> я вторично поехал к епископу Малецкому, пред этим Наскренцкий снова устроил экзамен. Со мной поехал и Ковальский. 4 декабря 1928 г<ода> епископ Малецкий рукоположил меня и Ковальского в ксендзы. После этого в Киеве Наскренцкий дал нам назначение: я — в Погребище, Ковальский — в Фастов».

Из протокола допроса Ковальского И. А. от 17 июня 1929 г<ода>:

«<...> в начале 1925 г<ода> меня появилось желание посвятить себя деятельности ксендза. Этому решению способствовало и то, что я не мог найти службу. Приняв такое решение, я обратился к администратору епархии — ксендзу Скальскому, с коим до этого времени знаком не был. Скальский выразил согласие и обещал давать надлежащие указания. Сказал, что я поселюсь у него в комнате, таким образом я буду получать материальную поддержку и буду заниматься. В ноябре 1925 г<ода> я переехал на квартиру Скальского и поселился с Гржегоржевским, а позднее присоединился Рыбалтовский. Подготовкой занимался ксендз Наскренцкий. После ареста Скальского с нами занимался Наскренцкий, после того как переехал Блехман, он стал заниматься с нами. Полный пансион и книги получали бесплатно. Я знал, что разрешение властей на ведение с нами занятий не было, занятия велись нелегально, т<ак> к<ак> существовала подпольная группа, которой руководили Наскренцкий и Блехман по подготовке в ксендзы. Поэтому о факте нашего обучения никому ничего не говорил. В ноябре 1928 г<ода> Наскренцкий направил меня в Ленинград к епископу Малецкому, снабдил письмом, в котором написал, что я годен к посвящению в ксендзы, и дал 25 рублей на дорогу. 4/XII – 28 г<ода> в главном костеле в Ленинграде в присутствии настоятеля костела и двух других ксендзов епископ Малецкий рукоположил меня и Рыбалтовского в сан ксендзов, и мы уехали в Киев. Первую мессу я служил в Фастове 14/I – 29 г<ода>, а Рыбалтовский — в Киеве. После этого я был оставлен Наскренцким в Фастове заместителем при настоятеле, а Рыбалтовский назначен в Погребище настоятелем.

Как верующий я был недоволен политикой антирелигиозной Советской власти, запрещающей открытие духовных семинарий.

Имея желание посвятить себя деятельности ксендза, я еще в 1921 г<оду> имел намерение уехать в Польшу, чтобы поступить в духовную семинарию. С этой целью возбуждал ходатайство перед репатриационной комиссией о выезде в Польшу, но мне, как уроженцу СССР, было отказано.

Сутану мне шила Морозная, живущая в квартире Наскренцкого, она имела какое-то отношение к польской столовке на Подвальной улице.

Никаких поручений Наскренцкого никогда не выполнял».

Из показаний Рыбалтовского от 9 июля 1929 г<ода>:

«В Киеве существовала столовая "Такая Кухня" (дешевая), она поддерживает связь с «Коло Кобет» в Польше и получает указания от последней. После отъезда польской миссии из Киева материальная помощь и указания стали поступать через польское консульство в Харькове на имя Скальского, а последний распределял их совместно с руководителями "Такой Кухни". Полученные из Польши деньги расходовались на оказание помощи бедным, на содержание учительниц Закона Божьего, подготовку детей к первой исповеди, на содержание костела и вообще поддержания в польском населении религиозного и национального духа.

При костеле существуют религиозные кружки "Ружанец" и "Терциан". "Ружанец" — это религиозная школа в честь пресвятой Богородицы Ружи. Обязанности членов "Ружанца" — молиться на четках, поститься пред праздниками, бывать на собраниях. Кружок "Терциан" — 2-х видов: дающий обет вести монашеский образ жизни и не дающий такого обета. Давшие обет стараются жить совместно, дабы их образ жизни напоминал монастырь. "Терциан" — это религиозные кружки в честь ордена св. Франциска. В "Терциан" принимаются после трех лет подготовки путем ведения соответствующего образа жизни под наблюдением ксендза. Терциане одеваются скромно, платье должно быть черное или серое, длинное. Во время поста по своему желанию носят на шее колючую веревку и пояс <...> Они верные слуги ксендзу по выполнению различных поручений. Наскренцкий их использует для связи с ксендзами епархии. Терциане обрабатывают прихожан в шовинистско-национальном и религиозном отношении, вербуя из них членов в национально-религиозные кружки. Занимаются благотворительными делами, оказывают материальную помощь заключенным, лицам, уезжающим в Польшу, а также костелу. Деньги собирают у прихожан, используют деньги "Такой Кухни", как получаемые от столовой, так и из Польши. Руководит ими Наскренцкий. Все лица, возглавляющие кружки и "Такая Кухня", глубокие патриоты Польши, шовинисты, интересы Польши им близки и дороги, к Советской власти относятся враждебно, проводят работу в интересах польской буржуазии, по директивам последней и во вред Советской власти».

Выписки из показаний Наскренцкого К. Э. от 13 января 1930 г<ода>:

«Мои взгляды по отношению к Советской власти всегда были контрреволюционными. В период обучения кандидатов в ксендзы Рыбалтовского, Ковальского и Гржегоржевского я им говорил в беседах об отношении Советской власти к полякам и католикам, говорил, что Советская власть принимает репрессивные меры к ним, как к будущим ксендзам, нужно рассчитывать на то, что Советская власть их в конце концов арестует. Ведя под таким углом зрения разговоры, я тем самым влиял на кандидатов в смысле создания у них контрреволюционных взглядов по отношению к Советской власти. Воспитание в контрреволюционном духе совпадало с полученными мною указаниями в письмах Фудаковской о подготовке ксендзов, преданных интересам Польши».

Из протокола допроса Наскренцкого К. Э. от 14 января 1930 г<ода>:

«Я рассчитывал в конце 1929 г<ода> приступить к подготовке в ксендзы Марецкого Бруно. Любовского не считали ни я, ни ксендз Блехман кандидатом в ксендзы, и у нас даже мысли не было о его подготовке. Я считал его легкомысленным.

Ксендзу Змигородскому — настоятелю нового костела в Киеве — известно, что я через польское консульство в Киеве поддерживал нелегальную связь путем переписки с Варшавой».

Показания Наскренцкого К. Э. от 28 января 1930 г<ода>:

«В 1920 г<оду>, когда польские войска отступали, епископ Дубовской приехал на автомобиле польской армии в Киев попроситься. При прощании он благословил ксендза Скальского, меня и ксендза Буяльского, указал, какие трудности нас ожидают с приходом Красной Армии и большевиков, благословил на продолжительную деятельность, оставил своим заместителем Скальского.

Контрреволюционную деятельность ксендзов Житомирской епархии раньше возглавлял ксендз Скальский, а после ареста его — я. Призыв епископа Дубовского я и другие ксендзы считали обязательным в силу наших политических убеждений и в силу указаний, которые я получал в письмах, прибывавших нелегально из Польши. Я призывал, чтобы ксендзы создавали религиозные кружки. В первые годы я предлагал ксендзам самим руководить кружками. Когда Советская власть стала относиться подозрительно, я предложил ксендзам внешне уйти от руководства кружков. Такие указания давал: ксендзу Андрушевичу, Мадере, Бузинскому и Буяльскому (сосланы в Соловки), Бенецкому, Маркушевскому, Зиху, Рыбалтовскому, Ковальскому. Я рекомендовал легализовать кружки, если местная власть согласится зарегистрировать кружки (не подозревая о политической роли). Кружки "Ружанец" были у: 1) Андрушевича в Фастове; 2) Мадеры в Хабном; 3) Бенецкого в Полонном и Мирополе; 4) Маркушевского в Ушомере; 5) Зиха в Мамене и Розважеве. У Рыбалтовского в приходах Погребнице и Борщаговка кружков "Ружанец" еще не было, т<ак> к<ак> в условиях Киева — опасно. Еще при Скальском в старом костеле были прекращены собрания "ружан"».

Постановление от 8 февраля 1930 г<ода>

Рассмотрев дело № 276 – 1930 по обвинению Рыбалтовского А. Ф., Гржегоржевского С. А., Любовского Б. А. и Марецкого Б. М. в преступлении по ст<атье> 54-4 УК УССР и приняв во внимание, что в процессе следствия не было собрано достаточных данных для предания обвиняемых суду, и что одновременно с этим возбуждается ходатайство перед Особым Совещанием при коллегии ГПУ УССР о заключении вышеназванных обвиняемых в концлагерь:

Постановил: на основании ст<атьи> 197 ч<асть> 2 и 198 УПК дело направить в Киевскую Обл<асть> прокуратуру на прекращение.

"Утв<ердил>"

Нач<альник> К<иевского>

О<перативного> О<тдела> ГПУ

(Иванов)

**Заключительное постановление
по делу № 276–1930 по обвинению:**

- 1) Гржегоржевского С. А.¹,
- 2) Рыбалтовского А. Ф.,
- 3) Любовского Б. А.,
- 4) Марецкого Б. М.

в преступлениях по ст<атье> 54-4 УК УССР.

В Киевском окружном отделе ГПУ имелись агентурные данные, что в Киеве при костеле св. Александра функционировала подпольная римско-католическая семинария, существовавшая на средства, получаемые нелегально из Польши.

В сентябре 1925 г<ода> бывший администратор епархии ксендз Скальский ходатайствовал о разрешении открыть духовную римско-католическую семинарию, после того, как в ходатайстве было отказано, решил приступить к подготовке ксендзов нелегально.

После ареста Скальского в 1926 г<оду> его на должности администратора сменил Наскренцкий. Со времени открытия в Киеве польского консульства, он установил нелегальную связь с высшим католическим духовенством в Польше. Рыбалтовский, Гржегоржевский, Ковальский поселились на квартире Скальского, а занятия вел главным образом Наскренцкий, реже — Скальский. После ареста Скальского продолжал занятия Наскренцкий, также приехавший в Киев ксендз Блехман.

В период обучения Наскренцкий, Блехман, Гржегоржевский, Ковальский и Рыбалтовский вели беседы на политические темы, в которых выражали недовольство Советской властью, а Наскренцкий порицал антирелигиозную политическую пропаганду, проводимую Советской властью.

Т<аким> о<бразом>, наряду с непосредственной подготовкой кандидатов к деятельности ксендзов, они обрабатывали их так, чтобы эта деятельность протекала в контрреволюционном направлении. Т<аким> о<бразом> следствием установлено, что обвиняемые Гржегоржевский, Рыбалтовский, Марецкий, Любовский по директивам из Польши и на средства оттуда же, подготовлялись нелегально к деятельности ксендзов, чтобы эта деятельность протекала в контрреволюционном духе и в интересах Польши.

Признавая обвиняемых элементом социально опасным и учитывая то, что не собрано достаточно материала для предания обвиняемых суду по ст<атье> 54-4 УК УССР,

постановил:

дело № 276 – 1930 направить в Особое Совецание при Коллегии ГПУ УССР с ходатайством о заключении в Соловецкий концлагерь сроком на 3 года обвиняемых:

- 1). Гржегоржевского Станислава Антоновича,
- 2). Рыбалтовского Андрея Францевича,
- 3). Марецкого Бруно Марьяновича,
- 4). Любовского Бронислава Альбиановича.

---

¹ Подробные справки на него и нижеследующих приведены в Книге памяти.

Справка:

- 1) Вещественных доказательств по делу не имеется.
- 2) Обвиняемые содержатся под стражей в ДОПР²/ц.

Уполномоченный К^{иевского}
Р^{районного} О^{тдела}

(Половецкий)

Начальник К^{иевского}
Р^{районного} О^{тдела}

(Рыков)

"Утвердил"

Помощник начальника К^{иевского}
О^{перативного} О^{тдела} ГПУ

(Барминский)».

---

² ДОПР — Дом предварительного заключения.